

ФИЛИПП ЧЕСТЕРФИЛД И ЕГО «ПИСЬМА К СЫНУ»**Марина АЙЗЕНШТАТ**

Ключевые слова: Великобритания, XVIII столетие, корреспонденция, Филипп Честерфилд, «Письма к сыну», представление об истории.

Բանալի բառեր. Մեծ Բրիտանիա, 18-րդ դար, թղթակցություն, Ֆիլիպ Չեստերֆիլդ, «Նամակներ որդուն», պատմության գաղափար:

Key words. Great Britain, 18th century, correspondence, Philip Chesterfield, "The Letters to the son", historical knowledge.

ՖԻԼԻՊ ՉԵՍՏԵՐՖԻԼԴԸ ԵՎ ՆՐԱ «ՆԱՄԱԿՆԵՐ ՈՐԴՈՒՆ»**Մ. ԱԻԶԵՆՇՏԱՏ**

Ֆիլիպ Ստենհոուսի կոն Չեստերֆիլդը, իր ժամանակի ամենահայտնի մտավորականներից մեկն է: Որդուն ուղղված նամակներում նա ձևակերպել է դաստիարակության, հասարակության և քաղաքականության վերաբերյալ իր հայացքները, այդ թվում նաև պատմության գաղափար: Նրանք լուսարևում են պատմության տեղը տիրույթում լինելու պահանջարկը կրկնում այն ժամանակ, երբ պատմական երևույթների ըմբռնման մեջ զգալի փոփոխություններ են տեղի ունեցել կապված Բոլինգբրոքի և Դեյվիդ Հյումի աշխատությունների հրապարակման հետ:

PHILIP CHESTERFIELD AND HIS "THE LETTERS TO THE SON"**M. AYZENSHTAT**

Summary. Philip Chesterfield, cont Chesterfield was one of the famous intellectual of his time. In the letters to his son Chesterfield formulated his vision of bringing, society, policy. And also vision of history. It was the opinion of British nobility on history and its place in everyday life, when took place important changing in the historiography after publication works of Bolingbroke and D.Hume.

Филипп Стэнхоуп, граф Честерфилд один из наиболее заметных интеллектуалов своего времени. В письмах к сыну сформулировал взгляды на воспитание, общество и политику. В том числе представление об истории. Они отразили место истории в жизни титулованного дворянства на повседневном уровне, когда произошли заметные изменения в историческом знании в связи с публикацией трудов Болингброка и Дэвида Юма.

В распоряжении исследователя истории Британии XVIII века имеется обширный пласт источников. Среди них немаловажное место занимают свидетельства личного характера. Это – мемуары, дневниковые записи, переписка. В современной историографии обозначилось внимание к истории почтовой службы, культуре переписки, её роли в повседневной жизни. Однако содержание самой переписки все еще не в полной мере востребовано исследователями и остается малоизученным [1, 11]. Между тем, в Британии интерес к письму, как особой литературной форме, появился уже в сороковые годы XVIII в., когда издатели стали публиковать письма писателей, а затем и политиков.

История отправки и получения различного рода и конфигурации посланий насчитывает не одно тысячелетие. Но для того, чтобы переписка стала важным политическим, социальным и культурным фактором в жизни общества, должны были совпасть как потребность в особом виде коммуникации, так и условия для его укоренения, созревание которого было длительным процессом. В 1516 г. Генрих VIII учредил королевскую почту в Англии. Это было продиктовано исключительно интересами усложнявшегося управления королевством. Только к концу столетия вышло разрешение принимать корреспонденцию некоторых высокопоставленных лиц для пересылки. Официально почтовое ведомство стало принимать частные письма в XVII в., их также пересылали с оказией или нарочными, появились частные компании. Именно в XVII столетие переписка превращается в важное средство коммуникации государственного аппарата, аристократии и деловых кругов. Утверждению практики переписки способствовала политическая напряженность, разрастание конфликта короля и парламента, и последовавшие события. Все это привело к повышенной потребности связаться с единомышленниками, узнать последние новости или о судьбе родственников и друзей. В XVIII в. преодолены такие негативные черты почтовой службы как задержка или потеря корреспонденции, хотя перлюстрация писем сохранялась. Что было связано со сложной политической ситуацией: сменой монархов на троне во время Славной революции и отъездом Якова Стюарта во Францию. Стюарты с конца XVII в. до середины XVIII в. предпринимали попытки вторжения в Британию и возвращения короны, что было бы с энтузиазмом поддержано их сторонниками в Британии. И власти отслеживали настроения населения и возможные связи с «Двором в изгнании».

Переписка является одним из важных источников политической, социальной, интеллектуальной истории, а также истории повседневности. В ней зафиксированы настроение, взгляды, текущие проблемы, дела конкретного человека в конкретный день, а порой и час. Среди эпистолярного наследия Британии XVIII столетия особо выделяются «Дневник для Стеллы» Дж. Свифта, «Письма к сыну» Ф. Честерфилда, а также обширная переписка монархов, государственных и политических деятелей, деловых кругов, писателей и мыслителей эпохи. Таким образом, это наследие содержит значительный массив, главным образом, опубликованных источников, состоящих из личной, деловой и государственной корреспонденции. Распространение переписки, её укоренение в повседневной жизни общества нашло своё воплощение в появлении в виде писем философских трактатов («Письма об изучении и пользе истории» Г. Болингброка), литературных произведений («Гражданин мира, или письма китайского философа» О. Голдсмита), политических памфлетов («Письма Юниуса»).

Многообразие корреспонденции делает её уникальным источником для изучения широкого круга проблем: от деловой активности поднимавшегося среднего класса до подробностей политической жизни. Трудно переоценить значимость корреспонденции для исследования интеллектуальной жизни британцев XVIII века, в том числе и исторического знания. В век Просвещения чрезвычайно возрос интерес к истории, которая в работах мыслителей из развлекательного чтения превращалась в источник мудрости.

С 1980-х годов наметился интерес к истории исторической мысли. Сегодня можно говорить о формировании в российской и зарубежной историографии самостоятельного направления. Осуществляется исследование широкого круга проблем становления исторической науки: от изучения анналов и летописей до выработки основ её методологии [2-10]. Задача автора настоящей статьи заключается в попытке рассмотреть место истории в повседневности, её роль в жизни людей. Именно переписка предоставляет возможность ознакомиться с их размышлениями в посланиях, адресованных родным и друзьям, которые, на первый взгляд непосредственно не связаны с проблемами исторического знания.

В качестве примера избрана корреспонденция Ф. Честерфилда (1694-1773 гг.), политика, публициста и эссеиста, одного из наиболее заметных интеллектуалов эпохи, который разделял идеи Просвещения и веру в разум человека. Он интересовался историей и хорошо её знал, являлся автором сочинений на исторические темы.

Корреспонденция Филиппа Стэнхоупа лорда Честерфилда адресована незаконнорожденному сыну. Отец признал его и дал свою фамилию – Стэнхоуп. Поначалу довольно формальные со временем послания становятся все более теплыми. Постепенно отец привязался к единственному сыну, мечтал о его блестящем будущем: карьере в светском обществе и продвижении по службе сначала в дипломатическом ведомстве, а затем и в политике. С первого письма – это наставления умудренного жизненным опытом царедворца, политика и светского человека. Что читать и изучать, как следить за собой, вести себя в обществе с женщинами и друзьями, с людьми, которые выше тебя по служебной лестнице и т.д. Позднее, в посланиях уже взрослому Стэнхоупу Честерфилд излагал размышления о современном обществе, политике, времени. Стэнхоуп умер в молодом возрасте, не воплотив в жизнь мечты отца. Более того, не имело особого успеха и намерение воспитать сына честным и порядочным человеком, который смог бы занять достойное место в обществе титулованной знати. После смерти молодого Стэнхоупа выяснилось, что он вел двойную жизнь. Тайно от отца женился и завел семью. После ухода из жизни Честерфилда, вдова сына случайно обнаружила письма и опубликовала их, несмотря на протесты родных так, как они носили интимный, частный характер и с самого начала не предназначались для печати. Их обнародование имело небывалый успех. И сегодня они остаются одним из уникальных свидетельств интеллектуальной жизни XVIII века, раскрывающих внутренний мир одного из представителей дворянского общества Британии.

В силу той цели, которую поставил перед собой Честерфилд, истории уделено не так уж много места в корреспонденции. Тем более ценны все те редкие упоминания событий и фактов прошлого, а также их оценка.

Так, в ноябре 1739 г. Честерфилд писал 7-летнему ребенку: «Милый мой мальчик, ты занят историей Рима, надеюсь, что ты уделяешь этому предмету достаточно внимания и сил. Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас: касательно них нам надлежит сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру и толкает на благие деяния „„»[12: 98]. Это высказывание едва ли отличается

оригинальностью. Как отмечала российская исследовательница: «ярко выраженный дидактический характер» истории провозгласила ещё гуманистическая историография [5: 50-51]. Для современников Честерфилда этот тезис имел не только отвлеченное, теоретическое значение, но и сугубо практическое. Они воспринимали прошлое, как источник мудрости. Но любопытно то, что отец не ждет, когда сын «сделает собственные выводы», а спешит подчеркнуть предназначение исторических сочинений для определения ориентиров в жизни.

Девятнадцатилетнему юноше, когда он готовился поступить на дипломатическую службу, отец советовал: «Больше всего тебе следует читать исторические книги – только отнюдь не смутную и недостоверную историю древних времен и, тем более, не эту никому не нужную естественную историю, толкующую о разных ископаемых, минералах, растениях и т.п. Нет, я говорю о полезной политической и конституционной истории Европы за последние три с половиной столетия» [12: 170-171]. В данном высказывании любопытно как противопоставление естественной истории и истории общества, так и акцент на политическую и конституционную историю. Честерфилд толкует о пользе истории, и его прагматический подход очевиден, что, несомненно, отражает воздействие идей просветителей. Моральный, воспитательный характер истории был востребован для выработки нравственных ориентиров у детей. Но уже в юношеском, а затем и более взрослом возрасте история приобретает иной характер полезности. Для будущей жизни сына именно эти знания будут иметь преобладающее значение.

Так, 30-летнему Стэнхоупу, который уже находился на дипломатической службе, он пишет в мае 1752 г.: «Милый друг, ... Отучись тратить время на чтение книг легкомысленных и пустых Я бы посоветовал тебе остановить свой выбор на самых интересных и примечательных периодах истории нового времени и ограничить свое чтение ими. Если ты выберешь Мюнстерское соглашение, - а с этого периода лучше всего начать, - ограничь себя достоверными историческими сочинениями, письмами, мемуарами и отчетами о переговорах, имеющих отношение к этому важному событию; читай и сравнивай их со всей непредубежденностью и трезвостью, которые лорд Болингброк рекомендует тебе более убедительно и красноречиво, чем я» [12: 214-215.]. И только после тщательного и объективного изучения переходить к следующему договору, а затем последовавшему за ним и т.д. История, по мнению Честерфилда, становится важным фактором в совершенствовании профессионального уровня дипломата. Только при основательном знании истории дипломатических отношений, причин, условий и содержания договоров можно проявить себя и добиться быстрого продвижения по службе, полагал Честерфилд.

Таким образом, в последнем отрывке прослеживается влияние идей Болингброка о методах изучения истории и взглядах на достоверность источников. Честерфилд был лично хорошо знаком с ним, но как явствует из письма, с его взглядами на историю ознакомился лишь после публикации «Писем о пользе и изучении истории» Болингброка на английском языке, что подтверждается также приведенными ниже словами. Однако приведенные отрывки из писем представляются важными не только этой стороной. Два взаимосвязанных высказывания не могут не привлечь внимания. Прежде всего, достоверная история, по словам Честерфилда, насчитывает не более трехсот лет. А это обусловлено наличием адекватных, достоверных источников. К ним он вслед за Болингбром относил исторические сочинения, письма, мемуары, отчеты, имеющие отношение к конкретным событиям. Более того, вырисовывается метод работы с источниками, а именно – объективность и сравнительный анализ.

Воздействие идей Болингброка признавал сам Честерфилд. Он писал в апреле 1752 г.: «Вольтер прислал мне из Берлина свою «Историю века Людовика XIV». Она пришла как раз вовремя: лорд Болингброк только что научил меня тому, как надо читать историю. Вольтер показывает, как ее надо писать». Честерфилд так характеризовал сочинение Вольтера: «Он рассказывает мне все, что я хочу знать, и ничего более. Размышления его немногословны, верны и наталкивают читателя на новые размышления. ... он рассказывает обо всем настолько правдиво и беспристрастно, насколько это позволяют известные соображения, которые всегда приходится принимать во внимание, ибо совершенно очевидно, что он часто рассказывает намного меньше, чем мог бы рассказать» [12:205]. Итак, автор исторического сочинения должен быть правдив, немногословен и конкретен, он должен побуждать читателя к дальнейшим размышлениям. Кстати, руководствуясь этими принципами, Честерфилд стремился писать свои «Характеры» людей эпохи.

Из высказываний Честерфилда можно выявить также и его представление о периодизации истории: Античность (древность), Средние (темные) века, новое время, и эта периодизация носила традиционный характер. Древности он отдавал «надлежащее уважение» [12:55]. Вместе с тем, с

большой иронией он писал о людях, которые в стремлении показать «свою ученость» постоянно говорят о древних греках и римлянах, «как о каких-то героических личностях, считая, что наши современники стоят гораздо ниже них». Они будут доказывать, «что за последнюю тысячу семьсот лет ни одна наука и ни одно искусство не продвинулись вперед ни на шаг». Судить о современниках и о древних людях следует только по их достоинствам, без презрения и поклонения [12:55.]. Но если те, кто постоянно ссылался на эпизоды из истории Рима или Греции, вызывали насмешку Честерфилда, то осуждение он высказывал в адрес тех, кто неуважительно относился к римлянам и грекам. Свою речь они насыщали цитатами, вели себя «запанибрата» с греческими и латинскими авторами. Они привыкли, писал Честерфилд, говорить «старик Гомер», «этот хитрый плут Гораций», «Марон» вместо Вергилия и «Назон» вместо Овидия. Им подражают хлыщи, «надеясь таким путем сойти за людей ученых» [12:56.]. Он предостерегал сына от поведения подобного рода. Тем не менее, данный отрывок также содержит в себе немаловажные сведения о представлениях Честерфилда об истории. В то же время налицо явное отрицание развития, распространенное в обществе, и его признание самим Честерфилдом. Не менее значимы упоминания о распространившейся практике упоминаний наряду с фактами истории Античности авторов сочинений, к которым довольно часто прибегали и парламентские ораторы. Они свидетельствуют о повышении роли образования. Это выражалось в стремлении показать себя человеком, окончившим закрытую школу, где изучение древних языков было обязательным. И тем самым, повысить свой социальный статус в глазах окружающих независимо от реального положения вещей – обучался ли в действительности говоривший подобным образом человек в одной из таких школ.

Необходимо остановиться еще на одном высказывании Честерфилда, проливающим свет на его представление о событиях XVII в. Он писал в декабре 1749 г.: «Лорд Кларендон говорит в своей «Истории» о Джоне Хемпдене: «... голова его была способна замыслить любое зло, язык – склонить на него, руки – привести его в исполнение». Не стану сейчас вдаваться в оценку личности м-ра Хемпдена, мужественному отказу которого уплачивать корабельную подать мы обязаны теми свободами, какие у нас есть; и привожу это суждение, потому что стоит лишь слово «зло» заменить в нем словом «добро» - и оно окажется той целью, к которой ты должен стремиться, направив все свои усилия на то, чтобы заслужить похвалу людей» [12:126-127]. Едва ли эти слова нуждаются в особом толковании. Достаточно лишь обратить внимание на подтекст слов Честерфилда, столь характерного для позиции вигов с середины столетия: они были уверены, что только «мужественное» сопротивление ничем не ограниченной (деспотической) власти позволило утвердиться свободам в Англии.

Итак, попытаемся подвести некоторые итоги вышеизложенных высказываний Честерфилда. Так как он выражал идеи, распространенные в кругах просвещенного титулованного дворянства, то его высказывания приобретают особую значимость для понимания взглядов на историю этого слоя общества в середине XVIII в. Прежде всего, необходимо отметить ту особую дидактическую роль, которую они отводили прошлому в воспитании подрастающего поколения. Примеры жизни и поступков исторических персонажей были призваны провести черту, грань между добром и злом, между благородными и бесчестными поступками, наглядно на примерах продемонстрировать образцы доблести, достойного поведения и т.д. Этот взгляд на историю резко контрастирует с предыдущим столетием, когда единственным источником мудрости для британцев являлась Библия. Прагматический подход к истории сохранялся и в воспитании юношества. Изучая прошлое молодые люди могли совершенствоваться в профессиональном плане на поприще дипломатии и юриспруденции, а в большей мере – политической области, в стенах парламента. Для судей, адвокатов, поверенных и членов депутатского корпуса знание истории в силу существования в Британии прецедентного права являлось неременным условием. Без знания имевших место в прошлом тех или иных событий невозможно было осуществлять защиту интересов клиентов, либо участвовать в законотворческом процессе.

С полным правом можно говорить о глубоком влиянии идей Болингброка лишь на незначительную часть общества, которая признавала его отношение к историческим источникам. Основным критерий – достоверность свидетельств прошлого – в полной мере воспринял Честерфилд. Для него имели ценность письма, мемуары, донесения, отчасти исторические сочинения. Их личностный, субъективный характер в освещении фактов и событий не учитывался Честерфилдом (вслед за Болингброком), не принимался им во внимание. Вместе с тем, представляется важным отметить историзм Честерфилда, признание им развития общества в ходе исторического процесса.

Значимое место отводилось литературной форме исторических сочинений, что объясняется взглядами на саму историю. Она рассматривалась не в качестве самостоятельной области знания, а особым литературным жанром. Отсюда пристальное внимание к языку автора, стилю изложения. Для Честерфилда такие сочинения были призваны не столько развлекать читателя, сколько просвещать и будить его мысль, понуждая задуматься над текстом, сопоставить идеи автора с другими источниками и т.д.

Начало 1750-х годов ознаменовано публикацией двух важнейших для развития исторической мысли трудов: «Писем» Болингброка и «Историей Англии под властью дома Стюартов» Д.Юма. Обращение Юма к истории революционных событий XVII в. и их оценку поначалу негативно встретило британское общество. А вот сочинение Болингброка оказало существенное влияние на умы читателей, среди которых был и Филипп Честерфилд. В значительной мере идеи просветителя ретранслировались им в посланиях к сыну, а в дальнейшем и читателям уже его «Писем». Но это не был простой пересказ чужих мыслей. Они были восприняты, обдуманы и применены в конкретной ситуации в целях воспитания и наставления единственного сына.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Айзенштат М.П. 2011: Переписка как источник изучения Новой истории Британии./ Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении. М. С.348-359.
2. Барг М.А. 1978: Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк. / Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М.
3. Барг М.А. 1987: Эпохи и идеи. Становление историзма. М.
4. Барг М.А., Авдеева К.Д. 1998: От Макиавелли до Юма. Становление историзма. М.,.
5. Бобкова М.С. 2001: Историческое знание в XV-XVIII вв. М.
6. Бобкова М.С. 2008: Западноевропейское историописание «эпохи катастроф». М.
7. Бобкова М.С., Мереминский С.Г. (ред.) 2008: Терминология исторической науки. Историописание. М.
8. Мереминский С.Г. (ред.) 2009: Формы и способы презентации времени в истории. М.
9. Мереминский С.Г. 2015: Генрих Хантингтонский. История англов. Пер. и комментарии С.Г. Мереминского. М.
10. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. 2004: История исторического знания. М.
11. Стогова А.В. 2015: «Пишите письма»: государственная почтовая служба и частные эпистолярные практики в Англии и Франции XVII века./ Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени. Е.Н. Кириллова (ред.). М.
12. Честерфилд Ф.Д.С. 1971: Письма к сыну. Максимум. Характеры. Л.

Сведения об авторе:

Айзенштат Марина Павловна, доктор исторических наук.
m.aizen@mail.ru

Статья рекомендована к печати членом редакционной коллегии, д.и.н. В.М. Аванесяном.